

А. В. ЧЕРНЕЦОВ

Древнейшие события русской истории на миниатюрах XVI в.

Изображения древнейших событий русской истории на миниатюрах Радзивилловской летописи¹ представляют собой уникальную серию композиций. Рядом с ними в древнерусском искусстве можно поставить лишь гораздо менее представительные материалы — миниатюры к житию Бориса и Глеба и клейма житийных икон этих святых.² В посвященных русской истории томах грандиозной энциклопедии исторических знаний XVI в. — Лицевого летописного свода,³ с его исключительным обилием миниатюр — древнейшая история Руси, как известно, не отражена. «Русские» тома свода открываются событиями 1114 г. (вокняжением Владимира Мономаха в Киеве);⁴ том, посвященный более раннему времени, до нас не дошел.

Характеризуя содержание миниатюр Свода, исследователи обычно ограничиваются констатацией этого факта и упускают из вида то, что отдельные события древнейшей истории Руси IX—начала X в. все же отразились на миниатюрах Свода, но в томах, посвященных не русской, а всемирной истории, где они иллюстрируют русские дополнения к переводным хронографическим текстам. Эти миниатюры находятся в хранящемся в ГПБ Хронографическом томе Лицевого летописного свода (F IV, 151).⁵ Они посвящены легендарным походам на Царьград Аскольда, Дира и Олега.

Два эпизода, связываемые с походами Аскольда и Дира, находятся в рукописи на л. 967—969 и 1046 об.—1049 об.; эпизод с походом Олега — на л. 1085—1091. Всего древнейшим событиям русской истории в Хронографическом томе посвящено 25 миниатюр.

¹ Радзивилловская, или Кенигсбергская, летопись: Фотомеханическое воспроизведение рукописи. СПб., 1902. Т. 1. Л. 3—74. См. также: Арциховский А. В. Древнерусские миниатюры как исторический источник. М., 1944. С. 4—40; Подобедова О. И. Миниатюры русских исторических рукописей: К истории русского лицевого летописания. М., 1965. С. 49—101.

² См.: Арциховский А. В. Древнерусские миниатюры. . . С. 157—176; Лихачев Н. П. Лицевое житие святых благоверных князей Бориса и Глеба по рукописи XV в. СПб., 1907; Смирнова Э. С. Отражение литературных произведений о Борисе и Глебе в древнерусской станковой живописи // ТОДРЛ. М.; Л., 1958. Т. 15.

³ См.: Пресняков А. Е. Московская историческая энциклопедия XVI в. // ИОРЯС. Т. 5, кн. 3, 1900; Арциховский А. В. Древнерусские миниатюры. . . С. 41—154; Подобедова О. И. Миниатюры русских исторических рукописей. С. 102—314.

⁴ См.: Подобедова О. И. Миниатюры русских исторических рукописей. С. 108.

⁵ О миниатюрах этого тома см.: Буслеев Ф. И. Соч. СПб., 1910. Т. 2. С. 307—309, рис. 53—56; Чернецов А. В. 1) Об одном русском изображении Юстиниана I (XVI в.) // Сов. славяноведение. 1984. № 6. С. 79—93; 2) Иллюстрация к Шестокрылу и вопрос об отреченных изображениях в Древней Руси // ТОДРЛ. Л., 1985. Т. 38. С. 237—239, рис. 3—6.

Эти уникальные серии миниатюр представляют исторический интерес в двух аспектах. Прежде всего, поскольку Лицевой летописный свод — это произведение придворных книжников и миниатюристов, а его миниатюры являются одним из наиболее ярких отражений монархической идеологии в древнерусском искусстве, интересны особенности отражения на миниатюрах представлений о власти древнейших языческих правителей Руси. Кроме того, значительный исторический (и психологический) интерес, который представляет сложное, двойственное отношение к конфликтам языческой Руси и христианской Византии, бытовавшее в средние века на Руси и засвидетельствованное целым рядом письменных памятников, заставляет внимательно отнестись к одному из немногих случаев отражения этих событий в изобразительном искусстве. Особую ценность рассматриваемым материалам придает та исключительная (можно даже сказать, предельная) насыщенность рукописи, в том числе ее рассматриваемых разделов, миниатюрами, которая характерна для всех томов Лицевого летописного свода.

Переходим к конкретному рассмотрению миниатюр Хронографического тома Лицевого летописного свода, посвященных древнейшим событиям русской истории.

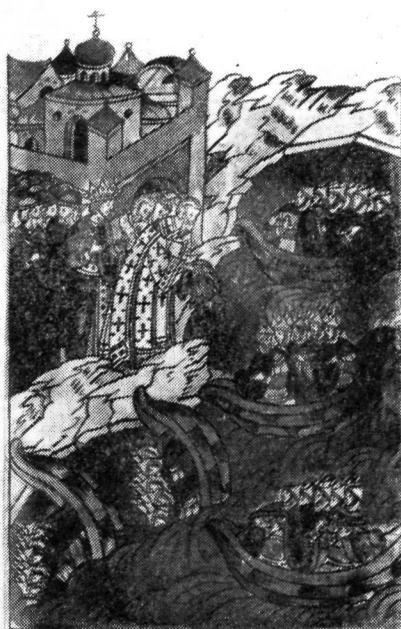
Первый эпизод.⁶

Миниатюра 1 (л. 967). Патриарх дает знать императору о том, что на Царьград пришли русы под предводительством Аскольда и Дира. Город представлен в виде крепости у моря; у его стен три ладьи с воинами. Среди них выделяются два персонажа в полусферических шапках с отворотами (князья). От города удаляется небольшая группа конных вестников; ниже уже спешившиеся вестники предостоят у реки императору, едущему во главе конного войска. В городе виден собор (св. Софии), фигура патриарха, воины.

Миниатюра 2 (л. 967 об.). Русы под стенами Царьграда. Ладьи с воинами изображены как в открытом море, так и в заливе под стенами города. На суше у стен Царьграда группа пешеходов избивает мирных жителей. В городе представлен патриарх, окруженный клиром и воинами.

Миниатюра 3 (л. 968). Возвращение императора с войском в Царьград. Моление царя с вельможами и патриарха с клиром перед иконой Богородицы во Влахернском храме. Сбоку море, в котором видны ладьи русов.

Миниатюра 4 (л. 968 об.). Объяснение названия Влахернского храма. Повторена сцена моления в храме перед иконой. Справа внизу на фоне гор лежащая фигура с отрубленной головой — убитый здесь скифский князь Влахерн. Он одет в плащ, на голове полусферическая шапка с отворотами.

Тамъ же въ новгородѣ зветъ децарств
 вельми знатнаго и царя димитрия
 шимонши. тишини боши. и мо
 рюу кроутиши бел. а се боураше
 тридцатьста. иаодна вѣдн дозай
 гшии де зягобъ. се бо тны реуи аодн
 аозидати ки се реуи тридцатьста.

Миниатюра 5 (л. 969). Чудесное потопление флота русов.

⁶ ПСРЛ. СПб., 1911. Т. 22. С. 348; 1862. Т. 9. С. 9.

Миниатюра 5 (л. 969). Патриарх Фотий на фоне города погружает ризу Богородицы в море. За ним клир, император, вельможи. В море представлены ладьи русов. Две из пяти тонут — изображены вверх кормой. В двух

«Возбранной воеводе». Прорись клейма иконы Симона Ушакова «Благовещение с акафистом в клеймах».

других войны представлены оглядывающимися и испуганно жестикулирующими. В третьей ладье воины наблюдают за действиями патриарха.

Чудо с потоплением флота русов в 860 г. относится к числу наиболее прославленных и почитаемых церковью. По-видимому, именно с ним связано установление праздника Похвалы Богородицы, его же нередко считают тем событием, в память которого был составлен Акафист Божией

матери, в частности кондак «Возбранной воеводе». ⁷ Именно композиция с потоплением флота «варваров» и омочением в море ризы, близкая рассматриваемой миниатюре, использовалась в XVII в. для иллюстрирования кондака «Возбранной воеводе». Так, в частности, представлен этот кондак на иконе Симона Ушакова «Благовещение» с акафистом в клеймах. ⁸

Второй эпизод («О князи рустем»). ⁹

Миниатюра 6 (л. 1046 об.). Войско русов выступает в поход. Во главе конного войска изображены два князя в полусферических шапках с отворотами. Один из них с бородкой, второй безбородый (на миниатюрах к первому эпизоду оба князя с бородами). «Страна римлянска» представлена в виде трех условных городков на фоне гор и деревьев. У стен одного города жестикулирующие жители.

Миниатюра 7 (л. 1047). Чудесное заступничество, останавливающее русское войско. Конное войско изображено дважды. Вверху приближающиеся к Царьграду князья и воины смотрят на небесное знамение. «Вышний промысл», который «возбрани» русам идти на Царьград, представлен в виде условного сегмента неба с лучами, устремленными в сторону войска. Внизу войско возвращается. Едущие впереди князья оглядываются на вошнов.

Миниатюра 8 (л. 1047 об.). Византийское конное войско, «воиствующее» против агарян и манихеев (павликиан). Неприятели представлены невооруженными, жестикулирующими на фоне двух городов. Во главе войска император.

Миниатюра 9 (л. 1048). Мир между Византией и русами. Перед сидящим на престоле императором группа русов в полусферических шапках. Позади императора изображены византийские вельможи в таких же шапках. Византийский император и его приближенные представлены на фоне палат.

Миниатюра 10 (л. 1048 об.). Русы испрашивают у императора архиерея. Вверху между императором и русами представлен архиерей. Внизу он же изображен повторно на фоне палат с евангелием в руках. Перед ним русы, на этот раз с непокрытыми головами.

Миниатюра 11 (л. 1049). Беседа архиерея с русами. Русы с обнаженными головами изображены на фоне гор, архиерей с евангелием в руках стоит на фоне палат, на подножии.

Любопытно, что у епископа на данной миниатюре старинными чернилами подрисован высунутый язык. Эта деталь едва ли связана с позднейшим временем, когда рукопись представляла для ее владельцев и хранителей огромную антикварную ценность. Высунутый язык, по-видимому, пририсован ребенком. Отметим, что детские рисунки и пририсовки в древнерусских лицевых рукописях известны. Это ряд рисунков и пририсовок в рукописи тверского Амартола. ¹⁰ Рядом с некоторыми из них читается начало азбуки, очевидно, книга использовалась в процессе обучения. Уродливая фигура, по-видимому, также пририсованная ребенком, встречена и на одной из миниатюр Радзивилловской летописи. ¹¹ Очевидно, в высших слоях древнерусского общества лицевые исторические рукописи

⁷ См.: Пападопуло-Керамевс А. Акафист Божней матери. Русь и патриарх Фотий // ВВ. СПб., 1903. Т. 10, отд. 1. С. 357—401.

⁸ См.: Алпатов М. В. Русское искусство с древнейших времен до начала XVIII в. М., 1955. Ил. 170 (Всеобщая история искусств; Т. 3).

⁹ ПСРЛ. Т. 22. С. 352, 353; Т. 9. С. 13. О. В. Творогов любезно сообщил автору данные о происхождении этой хронографической статьи. Она восходит через посредство «Паралипомена» к хронике Зонары, где рассказывается о событиях времени императора Михаила III (поход русов) и Василия Македонянина (крещение). Имена Аскольда и Дира привнесены в этот текст русскими книжниками.

¹⁰ Отдел рукописей ГБЛ, ф. 173, № 100, л. 158 об., 160 об., 187, 247, 255 об., 257, 264, 268, 269, 270 об., 271 об., 272.

¹¹ Радзивилловская, или Кенигсбергская, летопись. . . Л. 43 об.

использовались при обучении детей. Кто-то из них и выразил свое легкомысленное отношение к одной из первых попыток насаждения на Руси христианства.

Миниатюра 12 (л. 1049 об.). Крещение русов. В верхней части представлено известное чудо с евангелием, вверженным в огонь. На фоне палаты изображен молящийся епископ с воздетыми руками, перед ним огонь,

Миниатюра 11 (л. 1049). Архидиакон просвещает русов.

Миниатюра 12 (л. 1049 об.). Чудесное обращение и крещение русов.

в котором лежит евангелие. Справа группа жестикулирующих русов с непокрытыми головами, смотрящих на чудо. Вверху условный сегмент неба (которое на миниатюрах свода не изображалось, если текст не содержал специальных упоминаний о нем или указаний на божественное вмешательство). Внизу обнаженные до пояса русы в набедренных повязках стоят по пояс в озере, окаймленном горками. Слева благословляющий русов епископ с собором (виден дьякон с орарем на плече).

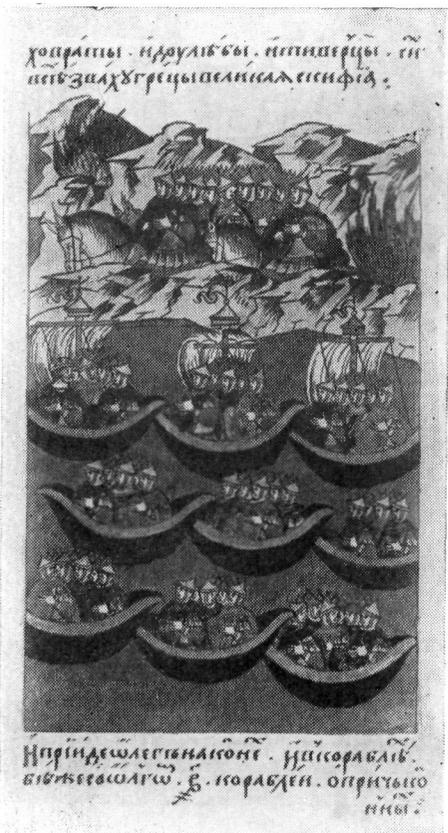
Чудо с вверженным в огонь евангелием можно видеть также на миниатюре рубежа XVII—XVIII вв. «Истории Сибирской» С. У. Ремизова, где оно является частью символической композиции. В качестве свидетеля чуда вопреки традиционной хронологии изображен Владимир Свято-славич.¹²

Третий эпизод («О войне Олгове на Царьград»)¹³

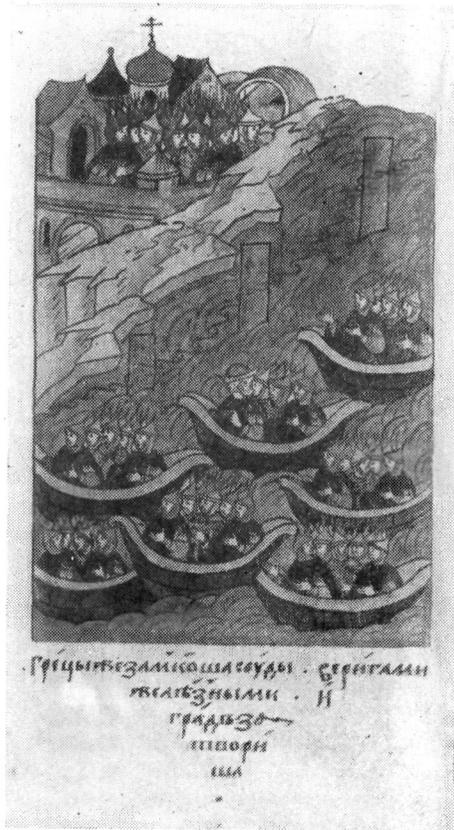
¹² См.: Алексеев В. Н. Рисунки «Истории Сибирской» С. У. Ремизова: (Проблемы атрибуции) // Древнерусское искусство: Рукописная книга. М., 1974. Сб. 2. С. 182.

¹³ ПСРЛ. Т. 22. С. 354; Т. 9. С. 18, 19.

Миниатюра 13 (л. 1085). Выступление войска в поход. Возглавляющий конное войско Олег представлен в полусферической шапке без опушки, с дуговым орнаментом. Войнство Олега состоит из групп всадников, что, по-видимому, отражает упоминание о различных племенах, из которых оно состояло. Над войском отделинный от него горками Киев. В Киеве представлен Игорь, окруженный боярами. На нем такой же головной

Миниатюра 14 (л. 1085 об.). Войско Олега.

Миниатюра 15 (л. 1086). Флот Олега под стенами Царьграда.

убор, как и на Олеге. Оба князя изображены с небольшими бородами. В левом верхнем углу представлен византийский император Лев на фоне города. Он безбородый, в городчатом венце с заостренными зубцами.

Миниатюра 14 (л. 1085 об.). Войско Олега. В верхней части изображено конное войско, движущееся между горами, средняя и нижняя части миниатюры заняты изображением моря и девяти ладей с воинами (три ряда по три ладьи). В верхнем ряду ладьи представлены под парусами, в нижних — без них. В верхней передней ладье изображен Олег.

Миниатюра 15 (л. 1086). Ладьи Олега под стенами Царьграда. В верхнем левом углу представлены воины в городе. Вдоль берега моря установлены столбы с цепями из S-образных звеньев. В море 7 ладей с русскими воинами. Олег изображен в полусферической шапке с отворотами.

Миниатюра 16 (л. 1086 об.). Поставление кораблей на колеса. В нижней части миниатюры виден берег моря. Вверху на фоне горок Олег перед группой воинов, перед ним ладьи, установленные на колеса. Ниже воины с топорами делают колеса.

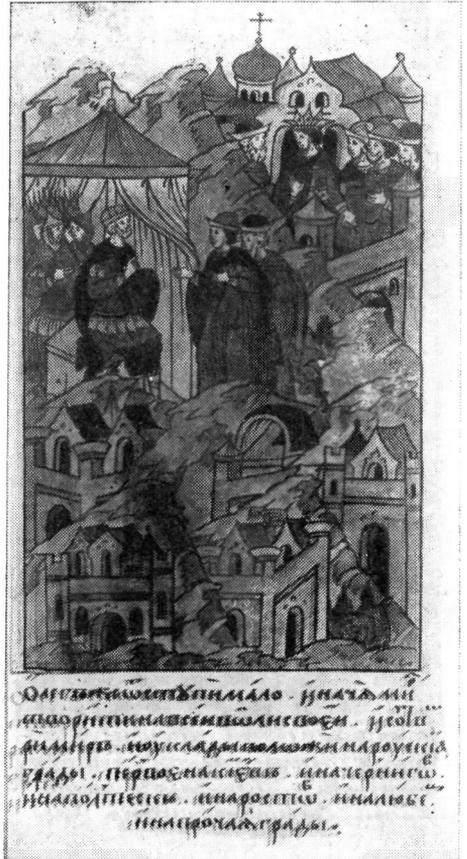
Миниатюра 17 (л. 1087). Русы в ладьях под парусами подъезжают к городу. В верхней ладье изображен Олег в полусферической шапке

дущим. Олег указывает рукой на изображенный в правом верхнем углу Царьград.

Миниатюра 23 (л. 1090). Олег повелевает приготовить паруса для своих кораблей. Композиция подобна предыдущим. Греческие послы подносят Олегу ткани. Внизу справа группа греков без головных уборов шивает полотнища для парусов. В тексте паруса, изготовленные для славян, названы «кропивными» (в Повести временных лет — «кропильные»)¹⁴

Миниатюра 18 (л. 1087 об.). Переговоры Олега с греческими послами.

Миниатюра 19 (л. 1088). Мирные переговоры Олега с греками.

Миниатюра 24 (л. 1090 об.). Отплытие войска Олега. Внизу изображены четыре ладьи под парусами. В передней верхней ладье изображен Олег. Две задние ладьи представлены с разорванными парусами. В верхней части миниатюры изображено конное войско с Олегом во главе, подъезжающее к воротам Царьграда. Несколько воинов подвешивают щит на веревке в проеме ворот. В городе представлен сидящий на престоле император в окружении вельмож.

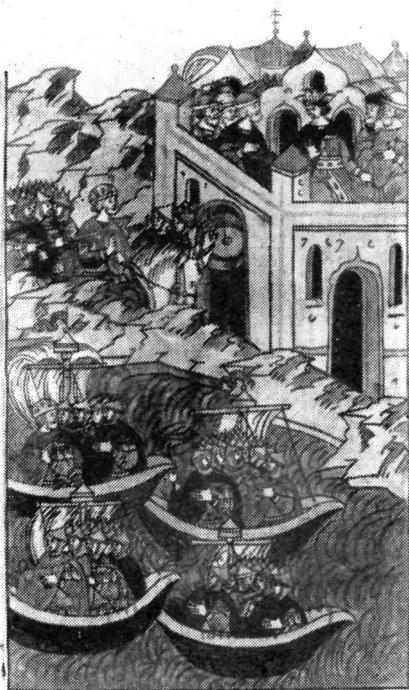
Эпизод со щитом Олега, возможно, отзвук древних династических легенд. Известно, что одно из летописных преданий об Олеге (эпизод с конем и смерть князя) находит соответствие в скандинавской традиции («Сага об Одде Стреле»)¹⁵ Необычайно важное для ранних летописных текстов символическое значение отдельного предмета вооружения, может

¹⁴ Ср.: ПСРЛ. М., 1962. Т. 1. Стб. 32.

¹⁵ Ловмянский Х. Русь и норманны. М., 1985. С. 136, 137, 270.

быть, объясняется в данном случае связью скандинавского названия щита (skjold) с родовым именем династии Скъьельдунгов.¹⁶

Миниатюра 25 (л. 1091). Прибытие войска Олега в Киев. В нижней части представлено конное войско Олега, приближающееся к городу. За Олегом едет вельможа в полусферической шапке с отворотами. Один из всадников держит в руке ткани, другой — кубок с крышкой (военная добыча). Вверху слева за горками представлен город, жители которого жестикулируют, указывая на Олега. Это греки, называющие русского князя «Вещим».

И поидеи шлемъ щитъ свои попрашати
И града показати постоу дугиши. И
понедеи шлемъ щитъ града. и шлемъ
шлемъ рбъшии шоломъ щитъ дѣло

Миниатюра 24 (л. 1090 об.). Отплытие флота Олега. Щит на воротах Царьграда.

князей второстепенных, в тех случаях, когда они представлены вместе с более влиятельными.¹⁸ Все же подобные шапки на головах Аскольда и Диры выделяют их как предводителей войска среди других русских воинов, которые изображены в шлемах. Присвоение таких головных уборов Аскольду и Диру, по-видимому, связано с тем, что миниатюристы видели в этих князьях одиозных персонажей, заурядных предводителей варваров. В качестве исключения (дважды) аналогичные головные уборы представлены на голове русского князя и в серии миниатюр, посвященной походу Олега. Кроме того, такой же головной убор изображен на голове «скифского князя Влахерна».

За двумя исключениями, о которых уже говорилось, головной убор Олега (а также Игоря) представлен на рассматриваемых миниатюрах

¹⁶ См.: Младшая Эдда / Пер. О. А. Смирницкой. Л., 1970. С. 14, 142, 171, 234.

¹⁷ См.: А р ц и х о в с к и й А. В. Древнерусские миниатюры. . . С. 29, 30, 111—115.

¹⁸ См.: Там же. С. 114.

по-другому. Это полусферическая шапка без опушки, с дуговым орнаментом. Такой головной убор, отличающийся от обычных русских княжеских шапок, иконографически восходит к поздневизантийским митрообразным императорским венцам.¹⁹ Однако в Лицевом летописном своде византийские императоры никогда не изображаются в подобных головных уборах.²⁰ Такие шапки изображались на головах русских князей (и являются преобладающей формой княжеских шапок в отдельных частях Лаптевского и Голицынского томов).²¹ Иногда этими шапками выделены сильнейшие князья. На серии миниатюр, посвященной легенде о регалии Мономаха, знаменитая шапка Мономаха представлена именно подобным образом²² (хотя в сценах венчания на царство внука Ивана III Дмитрия та же шапка Мономаха имеет иной вид и более похожа на русскую княжескую шапку и свой реальный прототип).²³

То, что Аскольд и Дир представлены на миниатюрах в простых шапках, тогда как головной убор Олега, несомненно, носит характер регалии, по-видимому, отражает большую популярность Олега, находится в связи с общей героизированной трактовкой образа этого князя. Не исключено и воздействие на миниатюриста известных слов летописи о не княжеском происхождении Аскольда и Дира: «...вы неста князя, ни рода княжа, но аз (Олег. — А. Ч.) есмь роду княжа».²⁴

Утрата русского колорита изображениями княжеского головного убора на миниатюрах, представляющих Аскольда, Дира и Олега, отчасти объясняется общим характером миниатюр хронографического тома, для которых русские персонажи и черты русского быта нехарактерны.

Рассмотренные серии миниатюр Лицевого летописного свода интересны тем, что, как и соответствующие тексты, они отражают двойственное отношение к походам языческой Руси на Царьград. Конфессиональная точка зрения вела к византинофильской (и следовательно, антирусской) трактовке событий, однако наряду с ней в течение столетий сохранялась и иная тенденция, для которой характерно откровенное сочувствие славянам-язычникам в ущерб православным грекам.

Эта двойственность присутствует уже в «Повести временных лет». Так, поход Аскольда и Дира 866 г.²⁵ трактуется в ней в провизантийском духе. Особенно отчетливо антирусская тенденция прослеживается в описании похода 941 г. (подчеркивается жестокость русских воинов).²⁶ Вместе с тем красочные описания легендарных походов Олега и Святослава явно отмечены патриотической, антивизантийской тенденцией (ср. такое выражение летописца, как «суть же греци льстивы и до сего дни»).²⁷ Эта тенденция в «Повести временных лет» могла бы быть объяснена неполным усвоением конфессиональной трактовки всемирной истории в период становления русского летописания, а также актуальной для молодого Киевского государства проблемой борьбы с политическим влиянием Византии.

Однако парадоксальная со строго церковной точки зрения симпатия к врагам православных греков славянам-язычникам сохраняется и в бо-

¹⁹ См.: Назарев В. Н. История византийской живописи. М., 1948. Т. 2. Табл. 328; Ђурић В. Византијске фреске у Југославији. Београд, 1974. С. 127, рис. 41; С. 134, рис. 52; С. 136, рис. 57; С. 137, рис. 58; С. 147, рис. 73.

²⁰ См.: Арциховский А. В. Древнерусские миниатюры. . . С. 116.

²¹ Там же. С. 111—112.

²² См.: Голицынский том Лицевого летописного свода. — ГПБ, F IV 225, л. 1—5.

²³ См.: Шумиловский том Лицевого летописного свода. — ГПБ, F IV 232, л. 561—565. См. также: Чернецов А. В. Три резных посоха XV в. // СА. 1980. № 2. С. 110, рис. 9б.

²⁴ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 23; Т. 2. М., 1962. Стб. 16. Ср.: ПСРЛ. Т. 9. С. 15 («аз есмь Олег князь»).

²⁵ См.: ПСРЛ. Т. 1. Стб. 21—22.

²⁶ Там же. Стб. 44.

²⁷ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 70; Т. 9. С. 36. Ср.: ПСРЛ. Т. 2. Стб. 57 («мудри» вместо «льстивы»).

лее поздних памятниках, созданных в условиях, когда византийское политическое влияние уже не представляло для Руси никакой опасности. Эта симпатия прослеживается и в летописных²⁸ и хронографических²⁹ сводах, прошедших серьезную и тенденциозную редакторскую переработку в духе религиозно-политических концепций воинствующих церковников.

Характерно, что язычник Святослав выступает в качестве положительного примера в знаменитом послании ростовского епископа Вассиана Ивану III на Угру³⁰ (факт тем более парадоксальный, что основная идея послания — проповедь священной войны с неверными). В аналогичном контексте образ Святослава фигурирует в сказаниях «О князех владимирских»³¹ и «О казанском царстве».³² Особенно показательно наличие этого мотива в «Сказании о князех владимирских».

Отмеченная двойственность довольно определенно отражена и в тексте, и на миниатюрах Лицевого летописного свода. Гибель кораблей «безбожных руси» в результате божественного вмешательства, всенародного моления и обращения к прославленной реликвии трактована в провизантийском духе. В целом та же тенденция отразилась и в рассказе о другом походе Аскольда и Диры, завершившемся крещением русов.

Однако повествование о походе Олега, украшенное легендарными подробностями и сопровождающееся перечислением военной добычи, получением торговых привилегий и символическими акциями, призванными возвысить победителя и унижить греков, несомненно, отражают иную тенденцию. Она тем более многозначительна, что соответствующий рассказ — всего лишь русская вставка в переводной текст хронографа, общий характер которого выдержан в духе византийского патриотизма.

На миниатюрах свода старинная легенда приобрела яркое красочное воплощение, отмеченное эпическими фольклоризирующими чертами.³³ Противоречие между христианским характером русского летописания и наличием в его составе панегириков языческим князьям в известной мере издавна ощущалось древнерусскими книжниками. Неожиданное сопоставление язычника Олега со святым Дмитрием Солунским, включенное в текст «Повести временных лет» от лица греков³⁴ (очевидно, как орудие божьего гнева?), вероятно, было призвано сгладить впечатление именно от этого противоречия. В хронографическом тексте это сопоставление сохранено; ему как бы вторит утверждение, что прозвище «Вещий» было дано Олегу греками (новая трактовка, отсутствующая в древнейшем летописании).

²⁸ См.: ПСРЛ. Т. 9. С. 18, 19, 36, 37. Ср.: Псковские летописи. М., 1955. Вып. 2. («...яко же рече князь Святослав Игоревич, иды в 10 000 на греки: не ведомо ны есть, или град взем или главы свое положим...»); З а р у б и н Н. Н. Слово Даниила Заточника по редакциям XII и XIII вв. и их переделкам. Л., 1932. С. 17, 18, 57, 82, 117 («...рече Святослав князь, сын Ольжин, ида на Царьград с малою дружиною, и рече, брата, нам ли от града погинути, или граду от нас пленену быти»).

²⁹ См.: ПСРЛ. Т. 22. С. 354.

³⁰ ПСРЛ. М., 1965. Т. 12. С. 207 («...поревнуй прежебывшим прародителем твоим... еже глаголю, Игоря и Святослава и Владимира, иже и на греческих царех дань имали...»).

³¹ Памятники литературы Древней Руси: Конец XV—первая половина XVI в. М., 1984. С. 426, 428 («...князь великий Олег ходил и взял с Цариграда великую дань и на вся воа своа и здрав всвоюс возвратис; и потом Всеслав (вместо «Святослав») Игоревич, князь великий, ходил и взял на Коньстянтине граде тяжчайшую дань»).

³² ПСРЛ. СПб., 1903. Т. 19. С. 99, 380 («...ревнуя прадедом своим, великому князю Светославу Игоревичу, како той многажды греческую землю плени, столь далече ему сущи от Руския земля расстоянием, и дани великия со Царяграда имал со благородных грек, победивших Трою предивную и прегордаго царя Перского Скераска. Той же великий князь Святослав по Дунаю стоящих 80 градов болгарских взя»).

³³ Об эпических чертах миниатюр Лицевого свода см.: Щ е п к и н В. Н. Два лицевых сборника Исторического музея // Археологические известия и заметки. М., 1897. Разд. 5, № 4. С. 111—128.

³⁴ См.: ПСРЛ. Т. 1. Стб. 30.